

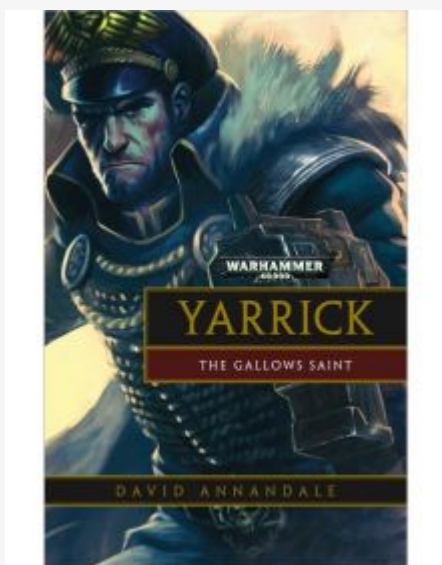
Святой висельник / The Gallows Saint (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Святой висельник / The Gallows Saint
(рассказ)

Автор	Дэвид Аннандейл / David Annandale
Переводчик	Йорик, Str0chan
Издательство	Black Library
Год издания	2014
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Я понимаю необходимость зрелищ – не бессмысленных представлений, легкомысленной растраты времени и ресурсов. У них всегда есть причина. У зрелищ есть результат, а потому их устройство осмысленно. Великое зрелище может сплотить людей, дать им общую цель, направить их ненависть и наполнить верой. Определить их мысли. Я сам часто пользуюсь зрелищами. Я сделал себя знаковой для всех фигурой, особенно там, на Армагеддоне.

Зрелища жизненно необходимы.

Конечно, ими могут воспользоваться и для нечистых целей. Я видел это на Мистрале. Проповеди кардинала Вангенхейма служили делу Императора лишь на словах, а на деле способствовали его

собственному возвышению. И теперь, когда мучительные уроки Мистраля были всё ещё свежи, я со смешанными чувствами наблюдал за триумфом на Абидосе. Понимать необходимость зрелищ и наслаждаться ими – не одно и то же. Но я никогда не отказывался от своих обязанностей, а сегодня они требовали моего присутствия здесь. Вдобавок, Абидос заслужил триумф. Его заслужили солдаты Стального Легиона Армагеддона, воины мордианской Железной Гвардии и Востроянские Первенцы. Его заслужили защитники-ополченцы бастионов Абидоса.

Его заслужили люди, пережившие эту войну.

Битва за возвращение Абидоса из рук тау была тяжёлой. Сотни рот из трёх участвовавших подразделений были втянуты в бои. Ксеносы использовали против нас свои грозные технологии, но война оказалась особенно жестокой и по другой причине. Самых тау на Абидосе было примечательно мало, мы многократно превосходили их числом. Но значительная часть населения приветствовала ксеносов, приняла философию тау. И поэтому теперь, когда наконец-то прекратились бои, зрелище триумфа было необходимо как никогда. Уже начались великие чистки, и они будут продолжаться. Команды зачистки занимались стиранием характерных круглых символов тау, подобно бубонам чумы распространявшихся по планете. Миллионы отвернувшихся от Императора и Имперского Кредо будут казнены. Потому оставшемуся населению было необходимо продемонстрировать величие победы, мощь Империи и торжество веры.

Торжества проводились на площади Его Истребляющего Величия в сердце Риума, столицы Абидоса. Я стоял рядом с капитаном Артурой Бренкен из шестой роты 252-го полка Стального Легиона. Мы с ней хорошо сработались и даже понесённые потери в этой войне оказались менее тревожными чем то, с чем шестая рота столкнулась раньше на Молоссусе. Ставки были ясными, межполковая вражда – минимальной, а планетарный губернатор сотрудничал во всём. Поэтому торжества казались настоящими.

Вместе с остальными офицерами мы находились на мраморном возвышении, вздымающемся на сто метров вдоль северной стороны площади. Мимо по бульвару Бдительности шли солдаты, проходя с востока на запад. Люди Риума заполнили южную половину площади и собрались с обеих сторон бульвара. Они пришли сюда ради зрелища, чтобы праздновать, и они праздновали. Они пришли сюда увидеть своих спасителей и предстать перед своими судьями.

На противоположной стороне площади находилась десятиэтажная украшенная колоннами сводчатая галерея. Сегодня находившиеся там офисы чиновников Администратума, руководивших поставками продуктов с Абидоса, были закрыты, и в галереях собрались тысячи зрителей.

Площадь Его Истребляющего Величия была архитектурной гордостью Риума, и её важность как символа лишь укреплял тот факт, что она не была разрушена во время войны. Это нельзя было сказать о другой жемчужине Риума, полуторастаметровом колоссе, стоявшем на восточном краю бульвара Бдительности – статуи святого Каррина, исповедника Абидоса, сохранившего мир верным Имперскому Кредо в годы Чумы Неверия. Она получила ракетные попадания в правое плечо и левую часть головы. Теперь в небе города нависал готовый в любой момент рухнуть исполин, пугающее воплощение упадка.

В самом центре возвышения располагался широкий постамент. На нём стоял планетарный губернатор, лорд Антонин Шрот. Он стоял так неподвижно, не шевелясь, что мог показаться статуей на краю постамент – крошечным святым Каррином.

– Он хорошо справляется, – сказала мне Бренкен.

- Таков его долг, - ответил я. Он был частью зрелищ, воплощением торжества верности Абидоса. Но Бренкен была права. С нашего места в пяти метрах справа от Шрота я видел, как избороздили его лицо усталые морщины. Губернатор был немолод, и даже омолаживающие процедуры не могли полностью скрыть груз войны. Его сила была хрупкой. Он старел на глазах.

Рядом с губернатором, в трёх шагах позади и по бокам от него стояли два других чиновника. Слева была его кузина и старшая советница графиня Геррениа Вернак. Графиня была чуть старше губернатора, и если лорд Шрот представлял собой лицо старой аристократии, то Вернак была гневом. Короткая стрижка серых как железо волос выделяла холодное, угловатое лицо. Шрот был тем, чего хотели жители Абидоса. Вернак была их судьёй. Его обширные владения к югу от Риума были опустошены во время боёв. Она всю жизнь участвовала в чистках, первым делом очистившись от милосердия.

По правую сторону от губернатора стоял его сын и наследник, Валентин Шрот. Если Вернак была лицом кары Абидоса, то младший Шрот выглядел как его надежда на будущее. Он стоял так же прямо, как и отец, но казался расслабленным, не противостоящим буре. Его лицо было открытым, широким, но не толстым, а улыбка - искренней. Он уверенно смотрел в будущее планеты.

Я не услышал выстрела.

Оружие явно было цельнопулевым. Пуля попала Антонину Шроту в глотку и вышла позади шеи. Рана была широкой. Его голова откинулась назад, колени подогнулись. Труп осел на поверхность постамента так, словно он упал от изнеможения. Кровь забрызгала сына лорда и графиню. Хлынула на мрамор, растекаясь в яростном свете солнца кровавым озером.

Толпу мгновенно охватила паника, захлестнувшая внезапной бурей океан лиц. Волны бегущих в разные стороны гражданских сшиблись. Но на площади было столько же солдат, сколько и зевак. Вот они опустили с плеч лазерные ружья и прицелились в толпу. Кто-то приказал дать очередь над головами, и это оказалось достаточно. Движение на площади прекратилось.

Я не был удивлён быстрым наведением порядка после убийства. Что меня, однако, поразило, так это сообщение, пришедшее через несколько минут после ухода гражданских. Убийцу поймали.

- Быстро они... - сказала столь же поражённая Бренкен.

Я кивнул. Мы переглянулись. Бренкен видела лишь последствия произошедшего на Мистрале, но она сталкивалась с интригами на Молоссусе. Она видела, как Проклятие Неверующих обрушило на планету ради выгоды фракции Инквизиции. На Абидосе мы были избавлены от встреч с развращёнными политиками, но арест спустя считанные мгновения после убийства был крайне подозрительным.

Мы спустились по ступеням с возвышения и подошли к основанию постамента. Отделение Адептус Арбитрес прибыло, чтобы сопроводить во дворец губернатора его родственников и его останки. Я отвёл в сторону одного из них, широкоплечего молодого человека. В своих доспехах он выглядел как ходячая стена и казался скорее возбуждённым, чем разъярённым.

- Мы слышали, что вы кого-то арестовали.

- Да, комиссар. Писца из Администратума по имени Хольтен.

- Как его поймали?

- Он сам выдал себя выстрелом. Хорош со снайперской винтовкой, плох в стратегии, - он указал на

верхний этаж галереи. – Стрелял из своего офиса. И как он собирался уходить? Возможно, во время паники...?

– А почему не ушёл?

– Один из нас был рядом, – арбитр усмехнулся. – Плохой выбор времени для Хольтена. Хороший для карьеры рядовой Коваль.

Я верю в судьбу. Я верил в неё и тогда. Об этом позаботились самые страшные раны, которые я получил на Мистрале. Также я верю в заговоры, преступные сговоры и другие намерения. Однако совпадения и счастливые случаи – лишь химеры.

– Похоже, что Коваль в одиночку спасла порядок, ради восстановления которого мы так долго сражались. Я бы хотел пожать ей руку.

Позднее я один направился в окружной участок Адептус Арбитрес, и в широком приёмном зале меня встретил надзиратель Детлев Монден. Он, здоровый лоб, казавшийся ещё здоровее в броне, выглядел как человек, довольный, что день не оказался хуже, но ждущий подвоха. Он представил меня Люде Коваль – женщине тихой и сдержанной, не тратящей ни единого движения зря. Неудивительно, что её не заметил убийца. Коваль была из тех людей, которых практически никому не удаётся заметить, если они этого не хотят.

– Убийца использовал снайперскую винтовку круутов, – сказала мне Коваль.

– Не самое незаметное оружие, – заметил я. Впрочем, подходящее. Модифицированное оружие круутов обыкновенно использовалось во вспомогательных войсках людей. Такую винтовку можно было бы ожидать от тех, кто всё ещё сражался за дело чужаков.

Правый уголок её рта скривился, а затем распрямился так быстро, что я едва заметил.

– Подходящее для работы. Но не для скрытия потом. Я услышала выстрелы и увидела вспышку в дверях в нескольких шагах от меня, – она пожала плечами. – Он не боец. Взять его было легко.

– Ты решила его не убивать?

– Чему мы очень рады, – вставил Монден. – Возможно, он приведёт нас к другим уголкам сопротивления. И следует свершить правосудие так, чтобы видели это все.

Разумеется. Очередные необходимые зрелища...

– Я хотел бы увидеть арестованного.

– Разумеется, – Монден отпустил Коваль исполнять её обязанность и повёл меня к камерам.

– Что нам о нём известно?

– Достаточно, – Монден снял с пояса инфопланшет и начал читать. – Пауль Хольтен. Писец, Дивизио Агрикультура. Служил в пехоте Бастионов Абидоса.

– Снайпером?

– Нет. Простым пехотинцем.

Странно.

- Есть ли что-нибудь ещё примечательное?

- Нет. Особый интерес представляет лишь сообщение, что он выступал за «высшее благо».

- Серьёзно? - я поднял брови. Это было достойно осуждения и выдавало в нём предателя, принявшего философию тау. Это объясняло причины убийства губернатора. - Источник достаточно надёжен?

- Свидетелей было много. Похоже, что сообщение против него было прислано за месяц до вторжения тау, однако дело было не слишком важным.

- Понимаю, - учитывая бюрократию Империиума и количество поступающих докладов об еретических воззрениях неудивительно, что такая информация была бы скрыта за более срочными делами, поскольку её важность можно было понять лишь теперь. Однако была одна странная деталь. - Он говорил о высшем благе до вторжения тау?

- Несомненно, это свидетельствует о заблаговременном проникновении, - кивнул Монден, тоже не особенно довольный.

- А были ли обнаружены другие свидетельства этого?

- Ещё нет, - Монден нахмурился ещё сильнее.

Мои подозрения укреплялись. Убийство было одновременно слишком лёгким и слишком грязным...

Монден привёл меня в камеру и оставил вести допрос. Я вошёл в крошечную скалобетонную комнатку. Мебели не было. Пауль Хольтен сидел на грязном полу, прикованный за запястье к стене. Его правая рука была сломана. Раны промыли, похоже, чтобы он не умер от заражения до публичной казни. Роста он был среднего, очень худой. Волосы были тонкими, а цвет кожи свидетельствовал, что он редко выходил на солнце. Когда он посмотрел на меня, меня удивило выражение в запавших глазах. Я ждал страха, возможно решимости, возможно отчаяния или показушного раскаяния, но увидел надежду.

- Я не делал этого... Прошу, вы должны...

- Меня зовут Себастьян Яррик, - перебил его я. - Я - комиссар Милитарум Темпестус, и обращаться ко мне ты должен стоя.

Он тяжело сглотнул, поднялся на ноги и даже попытался отсалютовать сломанной рукой. И всё это, что примечательно, сделал с рвением человека, стыдящегося, что он ненадолго забыл своё место.

- Простите, комиссар, - сказал он, щурясь. - Я не хотел проявить неуважения.

- Зачем ты убил губернатора Шрота?

- Но я не убивал, комиссар, - он всхлипнул, затем сделал тяжёлый судорожный вдох и страстно заговорил. - Видит Император, я всегда, словами и делами, был верным служителем Империиума.

- Высшее благо.

- Простите...? - нахмурился он.

- Люди слышали, как ты проповедовал высшее благо.

- Ах. Да. Говорил, - он выглядел сбитым с толку и продолжал шуриться. - Но я думал... Я всегда верил, что жертва человека ради высшего блага Имперуима это догмат нашей веры.

- Так и есть, - я моргнул.

Я изучил его лицо, отметив затуманенный взгляд. В комнатухе было узкое зарешёченное окно чуть выше уровня глаз. Глядя через него, я мог разглядеть лишь крыши дома напротив участка. Этого было достаточно.

- Скажи мне, писец, - сказал я, показывая пальцем, - геральдический герб какой семьи на том флаге?

Я говорил так, словно проверял, кем он является.

Подойдя к окну, он казался одновременно напуганным и сбитым с толку. Он прищурился так, что виднелись лишь щёлки глаз. По лбу потёк пот.

- Комиссар, я уверен, что это знамя Шротов.

Он ответил наугад, выбрав наиболее вероятное имя. Писец был настолько близорук, что даже не видел, что там нет никакого флага.

Из него был такой же снайпер, как из меня тау.

Тогда я вышел, больше не сказав ему ничего, и немного переговорил с Монденом перед уходом, но не стал рассказывать ему о своих наблюдениях. Я знал, что здесь действует заговор, но не знал, насколько глубоко он пустил корни. Очевидное беспокойство надзирателя, вызванное некоторыми деталями дела, наводило на мысль об его честности, но Мистраль показал, как опасно чрезмерное доверие.

Я перешёл через дорогу до жилого дома напротив участка и поднялся на крышу, где нашёл хорошее место для наблюдения. Так я просидел несколько часов, следя за входом, но, так и не увидев желаемого, направился обратно на базу шестой роты на окраинах города, намереваясь вернуться.

- Зачем? - спросила меня Бренкен, когда я ей всё рассказал. - Твоя власть как политического офицера не распространяется на местные планетарные вопросы.

- Знаю. Но местные беспорядки могут оказать прямое внимание на подразделение, в котором мы служим, а, следовательно, и на Имперуим.

- И ты думаешь, что они будут?

- Не знаю. Но думаю, что мне стоит всё узнать.

- Нам ещё предстоит заниматься здесь усмирением во время чисток, - задумчиво кивнула она.

- И потому предотвращение политических потрясений оказывается нашим делом.

- Я переговорю с полковником Месстером.

И таким образом запрос пойдёт по всей вертикали власти.

- А тем временем наша задача - поддерживать порядок в Риуме, - указал я.

- Чем ты явно и занимаешься, - она потёрла подбородок. - Нам не понравится то, что ты обнаружишь, не так ли?

- Возможно, - нам обоим предстояло многое узнать о природе наших обязанностей, но мы знали достаточно, чтобы ожидать худшего. - Есть кое-что ещё. Поскольку снайперская винтовка была оружием крутов, то мы не можем быть уверенными, что убийца или его заказчик являются людьми.

- Думаешь, что здесь задержались тау?

- Я бы этого не исключал.

На следующий день я вернулся на крышу жилого дома, а затем приходил туда вновь и вновь. Тем временем в Абидосе установился хрупкий порядок. Принятие полномочий Валентином Шротом оказало успокаивающее влияние, поскольку это было ожидаемо, хотя и случилось раньше. Быстрый арест и будущая казнь Хольтена также сыграли свою роль, которую я бы одобрил, если бы не факт, что настоящий убийца на свободе. Я видел маску порядка. Я не доверял ей.

На пятый день сразу после заката я наконец-то заметил Люду Коваль, покидающую участок после смены. Я видел её и раньше, но всегда в отделении, всегда на службе. В этот вечер она была одна.

Коваль быстро оказалась у цели, чтобы арестовать Хольтена. Из неё также получился бы гораздо лучший снайпер. Хольтен, incapable даже увидеть цель, был слабым и болезненным. Ему повезло, что он пережил службу в Бастионах. А вот неестественная неподвижность Коваль и способность пропадать из виду были бы очень полезными качествами для снайпера.

Я покинул свой пост и направился за ней, держась достаточно далеко, чтобы не быть замеченным и не потерять её из виду. Я знал, что рискую. Если я был прав в своих подозрениях, то выслеживал добычу, гораздо более привычную к таким делам. Я не был убийцей. Я не привык прятаться в тених. Напротив, моё место было у всех на виду. Чтобы вдохновлять или наказывать я должен был быть заметным. Чтобы быть комиссаром, я должен был быть не просто Себастьяном Ярриком.

Если Коваль поймёт, что за ней идут, то она заметит меня, даже на расстоянии нескольких домов. Я надеялся, что у неё нет поводов для подозрений.

Идя в собирающихся вечерних сумерках, я спрашивал себя: "Если ты прав, и она убийца, то почему?" Я не мог представить её фанатиком, сражающимся в безнадежной битве ради возвращения тау. Для этого она была слишком собранной, профессиональной. Какую выгоду ей могла принести смерть губернатора? Я мог представить только одно: богатство. Если она наёмная убийца, то кто платит?

Кому выгодно?

Очевидно, что новому лорду Шроту. Но он бы всё получил и так, даже не пришлось бы ждать слишком долго. Антонин Шрот выглядел измождённым, болезненным. Зачем было рисковать всем ради награды, которую можно получить без риска спустя лишь месяцы?

И если не сын, то кто?

Мои мысли вернулись к тау. Если у них до сих пор оставались планы на Абидос, то долгая политическая нестабильность свяжет наши руки, мешая всем усилиям по усмирению. Мы окажемся уязвимыми к контрудару. Чтобы работать на них, не нужно было быть фанатиком - если Коваль беспокоила лишь личная выгода, то было бы достаточно достойной цены.

Несколько раз я едва не терял её из виду, так как путь Коваль петлял туда-сюда. К счастью, дороги в

Риуме были широкими и прямыми, рассчитанными для ускорения движения огромных продуктовых транспортов. Во время войны грузоперевозки остановились и, хотя жизнь на Абидосе постепенно налаживалась, на дорогах пока было свободно. И, благодаря широким и свободным открытым участкам, мне удавалось вновь найти Коваль.

Её целью оказалась статуя святого Каррина. Когда она подходила к памятнику, я понял, что она приняла меры против отслеживания. Разумеется, чисто предварительные. Коваль не ожидала хвоста.

Огромная статуя была пустой. Горожане могли подняться до самой головы, а оттуда смотреть глазами великого человека на город, чью душу он спас. Так, во всяком случае, было до ракетного удара. Восстановление статуи обещали оба лорда Шрота.

Дверь внутрь находилась на краю огромного постамента. Я проследил, как Коваль входит внутрь, подождал пять минут, затем вошёл.

Я почти пропустил царапины на скалобетоне рядом с дверью. Рисунок был маленький, сантиметровой ширины, и находился очень низко. Я увидел его лишь потому, что искал: два круга, один меньший и находящийся внутри периметра большего. Символ тау. Знак для тех, кто знает, куда смотреть.

Внутри было темно. Тусклые люмосферы освещали железную лестницу, по спирали поднимавшуюся от платформы по правой ноге статуи. Пока мои глаза приспособлялись, я прислушался. Хотя Коваль не могла так быстро подняться наверх, я не слышал шагов. Она была тихой. Это было зловещим предупреждением. Мне стоило поступить так же.

Я шагнул вперёд и достал болт-пистолет, следя за тенями, ожидая засады. Возможно, она заметила меня и решила сюда заманить. Спустя десять минут подъёма я увидел движущуюся тень. Она была далеко впереди и поднималась всё дальше. Я ускорил шаг.

Подъём был долгим. Закручивающая лестница кружила голову, ноги и лёгкие уставали – от тяжёлого подъёма было бы легко впасть в транс. Я держал себя в руках. Вершина статуи была бесконечно далеко, и я гадал, а не слишком ли долго я медлил? Даже если я пройду до самого конца, то не смогу остановить Коваль прежде, чем она доберётся до цели. У неё будет несколько минут для исполнения своей задумки.

И вот я добрался до разбитого плеча. Сквозь пробоину проникали солнечные лучи, но лестница была достаточно близко к центру статуи, и потому осталась цела. Однако выше была пробитая голова. Там лестница была ближе, и шелестящий ветер дёргал меня за плечи. Я одолел несколько последних пролётов.

Путь на наблюдательную платформу был открыт. Я направился к двери, держась в тених, чтобы видеть, что меня ожидает.

Сама платформа была сильно повреждена. Справа она казалась устойчивой, но центр оседал, а левая часть обвалилась. Скалобетон был разбит и удерживался на весу лишь на прогнувшихся под тяжестью железных балках. Три человека стояли у ограждения справа. Ближе всего ко мне была Коваль, примерно между дверью и дальним краем, лбом статуи. Она была спокойной, неподвижной. Она развела руки чуть в сторону, не сжимая кулаки, и была готова двигаться, а её силовая булава висела на поясе. А за ней, на краю, вместо ожидаемых мной тау стояли Валентин Шрот и Геренния Вернак. Они говорили так громко, что я всё слышал сквозь ветер.

- Какой в этом смысл? - требовал ответа Шрот. - Нам нужно исцелить раны и покончить с кровопролитием.

- Не говори со мной так, будто тебя тревожит Абидос, - Вернак была ниже Шрота, но от гнева казалась выше.

- Но я думаю о том, что лучше для планеты. Я думаю о...

- Высшем благе? - злобно перебила его графиня.

Шрот не ответил, сверля её взглядом. Его правая рука дёргалась.

Вернак подошла ближе.

- Ты вёл переговоры с тау. Никаких соглашений. Ты будешь зачищен вместе со всеми прочими предателями.

- У тебя нет доказательств, - дрожь в голосе выдавала его неуверенность. - Не осталось никаких записей.

- Ты так уверен, а?

- Нет, - признался Валентин, сделав шаг назад. - Но теперь, когда отец мёртв, я уверен, что из старых суеверных глупцов осталась лишь ты. Жаль, что поклонники тау сочли нужным прийти и за тобой, - он повернулся к Коваль и кивнул.

И всё встало на свои места. Оружие круутов. Символ у подножия статуи, который наверняка найдёт следователь. Дым, пыль в глаза, указывающая прочь от Валентина Шрота.

Коваль шагнула вперёд. Я вскинул пистолет, но стрелять не мог - Коваль была на одной линии с Вернак. Болт прошил бы их обоих. Я побежал.

- Стоять! - заорал я, зная, что она не подчинится приказу. Я просто желал отвлечь её от графини.

Коваль была быстрой. Она обернулась, присела, схватила свою булаву и бросила в меня одним движением. Её скорость была почти достойной храмового убийцы. Булава ударила меня в правую руку, и шок от удара и электрического разряда прошёл по руке, закрутив меня. Рука содрогнулась, пистолет выпал и покатился по ступеням.

Я крутанулся, используя движение, и, обернувшись, бросился на Коваль, выхватывая левой рукой цепной меч. Она отскочила влево, легко уйдя от удара, и пробежала по повреждённой, оседающей поверхности. Расколотый скалобетон оседал, трещины становились всё шире. Я вновь обернулся за ней, а Коваль подняла булаву.

Я вновь чувствовал свою правую руку. Это пригодится. Я взял цепной меч обеими руками и осторожно приблизился. Я отвлек Коваль от цели. Теперь мне осталось сразиться и победить, но Коваль была гораздо быстрее меня.

Я водил мечом вперёд-назад. Она же стояла неподвижно, необъяснимо. Она ждала меня. Я подошёл на дистанцию удара. Мы смотрели друг на друга, и я знал, что она от меня ожидала, и какие могли быть последствия. Но выбора не было. Шрот, хотя и явно бывший трусом, мог в любой момент решить, что стоит присоединиться к бою. Поэтому я сделал свой ход, готовясь к неизбежному.

Я опустил цепной меч, нанося верхний удар, и Коваль парировала его булавой, ударив её наверху по клинку. Разряд прошёл по цепному мечу и впился в руки, цепь зарычала, когда кулаки конвульсивно

сжались. Спина напряглась от сокрушительного парализующего удара. Но я ожидал этого, и потому заранее сместил вес вправо. Я упал. Внезапный вес и вращающаяся цепь вырвали булаву из её рук. Она покатила по платформе, Коваль перепрыгнула через меня, бросившись за оружием.

Платформа застонала. Скалобетон вздулся.

Коваль замерла. Зловещий треск остановился. Она потянулась за булавой.

Моя нервная система сбила. Моя голова потяжелела от боли, словно булыжник, а руки были неподвижны, как свинец. Моё тело словно сговорилось с предателями. Нет, так я не умру.

Я заорал, и полный ненависти крик прорвался сквозь минутную слабость. Передо мной была расширяющаяся трещина в наблюдательной платформе. Я встал. Мои движения были резкими, судорожными, но я смог поднять цепной меч и опустить его в трещину, разрывая ослабевшие опоры.

Коваль отреагировала мгновенно, но слишком поздно. Платформа поддалась, две трети её поверхности отвалились от правой стороны. Она поползла вниз, и Коваль потеряла равновесие. Она пыталась прыгнуть вперёд, но притяжение тащила её вниз. И вот с грохотом большая часть головы обвалилась. Коваль исчезла в скалобетонной лавине, падающей на улицу.

Я тяжело поднялся. Приходя в себя, я повернулся к Шроту. Он прижался спиной к ограждению узкого полумесяца – всего, что осталось от платформы. Вернак сверлила его взглядом, полным в равной мере ненависти и презрения. Я вложил цепной меч в ножны и подошёл к губернатору. Он открыл рот. Но я не дал ему возможности умолять. Я схватил его за руки, оторвал от ограждения и сбросил вниз.

Его крик был долгим. Он затих в эхе оседающих обломков.

Вернак и я смотрели друг на друга. У Абидоса будет новый губернатор, хотя пока об этом знали только мы.

- Он был прав, не так ли? – сказала Вернак, и голос её был очень уставшим, очень старым.

- Да, – я кивнул. – Нам нужно исцелить раны.

Слова оставили дурной привкус. Но то, что мне придётся сказать потом будет ещё хуже.

Когда мы спускались по лестнице, остатки головы святого Каррина рухнули на землю.

Смерть Валентина Шрота была объявлена случайностью, трагедией, выпавшей на долю многообещающего лорда, решившего посетить статую, которую он обещал восстановить. Лишь один из жителей планеты узнал правду кроме меня и Вернак. Я рассказал её Хольтену, когда посетил его камеру на следующий день.

И я рассказал ему, что об этом узнает только он.

- Меня не освободят.

- Да. Твоя казнь прижжёт рану от убийства. Если же мы расскажем всем, что сын губернатора устроил его убийство, желая скрыть собственное предательство, то раны будут гноиться.

Всё, что я сказал, было абсолютной правдой. Я не оспаривал необходимости мученичества Хольтена. Но

тогда это было самым тяжёлым решением, которое я когда-либо принимал, самыми тяжёлыми словами. Я справился с отвращением к себе и исполнил свой долг. Да, в моей душе останется новый шрам, но я не дрогнул. Я не гордился тем, что делал, но и не медлил. Иногда достаточно помнить о долге.

- Тогда я умру ради высшего блага Империи, - сказал Хольтен.

- Да, - мне не понравился выбор слов. Эта фраза стала проклятием на Абидосе. Но писец был прав.

- Хорошо, - блаженно улыбнулся Хольтен.

Но его готовность исполнить свой долг не делала легче мой.

Виселица была возведена в центре площади Его Истребляющего Милосердия. Вновь жители Абидоса и спасшие их полки были призваны стать свидетелями зрелищ. Это станет печальным завершением прервавшихся торжеств. Но это всё равно будут славить, как победу. Предателя покаряют. Это сильнее очистит душу Абидоса. Очередной шаг к искуплению планеты...

Бренкен и я вновь сидели на мраморных скамьях.

- Так тебе было легко принять решение? Комиссар, я не думала, что вы так цените целесообразность.

- Нет. Но я понимаю необходимость. Я видел на Мистрале то, к чему могут привести беспорядки. Мы не для того спасали Абидос от тау, чтобы его разорвали изнутри.

Она что-то проворчала. Я не мог понять, согласна она или нет.

На площади Хольтен поднимался по ступеням навстречу петле. Виселица находилась выше постамента. Его смерть увидят все собравшиеся граждане. Приговорённого сопровождали двое рядовых Адептус Арбитрес. Его запястья и колени были скованы цепями, но походка казалось мне лёгкой.

- Вот человек, знающий, что в его смерти есть смысл, - сказал я Бренкен. - И это важно.

Безымянный писец станет символом. Его смерть станет новым началом для Абидоса. Когда он поднялся по ступеням, то без сомнений направился к петле. Там он встретился с исповедником-палачом, потребовавшим покаяния.

Хольтен отказался.

- Удивительно, - прошептал я. Хольтен играл свою роль. Он добровольно стал козлом отпущения. Он выбрал бесчестье, чтобы лучше послужить Императору.

Они повесили его, и толпа заревела от ненависти к предателю - громче, отчаянней, чем несколько дней назад на торжествах. Над кричащими от гнева верующими раскачивался труп.

Я смотрел то на него, то на обезглавленную статую Каррина, видя перед собой мир, возрождающийся на костях убитых святых.

Источник —

[https://wiki.warfrog.wtf/index.php?title=Святой_висельник_/_The_Gallows_Saint_\(рассказ\)&oldid=18568](https://wiki.warfrog.wtf/index.php?title=Святой_висельник_/_The_Gallows_Saint_(рассказ)&oldid=18568)

Эта страница в последний раз была отредактирована 10 февраля 2022 в 06:27.